

АНДРЕЙ КУРКОВ

**ПРИЯТЕЛЬ
ПОКОЙНИКА**

РОМАН

Харьков
«Фолио»
2013

ГЛАВА 1

Если б я курил — было бы легче после каждого тихого, со стороны невнятного и непрочитываемого скандала выкуривать по несколько сигарет, и дым, никотин, становящийся на время не то чтобы смыслом или запахом жизни, но чем-то отвлекающим, как воскуриваемый в свою собственную честь фимиам, помогал бы мне в очередной раз увидеть в дальнейшем моем существовании радость. Но я не курил с детства и думал, что начинать курить в тридцатилетнем возрасте — это уже точно проявление детства или глупости.

Дождь никак не начинался. Вечерело. Жена закрылась в ванной, но это было обычным принятием ванны. Я тоже иногда закрываюсь в ванной, хотя с чего бы я должен стесняться своей жены? Вот тут и вопрос, проясняющий причину, — мы давно уже далеки друг от друга. Вечером, ложась в постель, мы раздеваемся в темноте, а днем или при свете, принимая ванну, мы стесняемся своей наготы. Нагота здесь — это ранимость. Жена бы то же самое сказала. Но и я раним, и чаще всего раним ею. Мы уже не говорим об этом, хотя раньше пытались все выяснить и улучшить словами.

Казалось бы — осень, время уходящего тепла, начало сезона сохранения прошлого тепла во имя грядущей зимы,

чтобы не замерзнуть. Время заклеивания окон и балконных дверей. Когда еще сама природа так способствует мыслям о восстановлении или укреплении уюта, физического и душевного. Но что сентябрь для нас? Ничего. Мы молчим, разговариваем междометиями. Каждый сам для себя варим кофе и жарим яичницы.

Пора было это заканчивать. Уйти некуда — однокомнатную квартиру пополам не поделишь.

О любви прыгать с вышки в воду вспоминалось всякий раз при выглядывании из окна нашего восьмого этажа. Но это не давало необходимого импульса для прыжка. Я не был рожден самоубийцей. Жизнь вне, за пределами моего быта, мне очень нравилась. С каким-то легким замиранием в груди я проходил иногда вечером по Крещатику, пытаюсь разглядеть лица вечерних девушек, ожидающих клиентов на скамеечках или у фонтана под кинотеатром «Дружба». В полумраке, в искусственном городском освещении они выглядели привлекательно, как изящно нарисованные, многообещающие силуэты, обычно бросающие какой-то карандашный взгляд с книжных мелодраматичных форзацев и обложек. Я легко представлял себя их клиентом или даже приближенным, другом. Но представлять себя — это еще далеко не быть. Мне многого не хватало — решительности, денег, свободы. Но они, как первая ласточка сошедшего с экрана американского образа жизни, дарили надежду на то, что и другие сладкие американские картинки оживут и замельтешат вокруг меня, тут, в Киеве. И я окажусь захваченным этим мельтешением, постепенно превращающимся в жизнь и вытесняющим жизнь прошлую,

во всем временную и надоевшую каждой своей деталью, каждой составной частью, каждой газетной статьей, подробно ее же описывающей.

ГЛАВА 2

Будучи студентом иняза, я любил дружить с иностранцами. От них я учился и языкам, и какому-то другому пониманию жизни. Они так отличались от нас, как может отличаться белый гриб от ежика. Внутреннее наше различие могло сравниться лишь с каким-либо явным внешним, вроде вышеприведенного примера. У них было другое детство, другие игры. Они мне и рассказали об одной игре, которая в какой-то момент завладевает уже не первым и не десятым поколением детей, не знавших советского детства. Игра простая — надо составить цепочку из знакомых, которая выведет тебя, к примеру, к королеве Англии или к Маргарет Тэтчер — она в то время была более актуальна. Выходило, что почти каждый играющий мог через трех-четырёх связанных между собой и с ним людей выйти на английского премьер-министра. Принцип до смешного простой — я знаю его, он знает ее, она знает еще кого-то, кто лично знаком с Ним или с Ней. Я пробовал тогда сделать то же самое и выйти таким образом на Брежнева или на Щербицкого. Не получалось. Цепочка просто не начиналась. И вот теперь вдруг, должно быть, из-за отчаянности моей жизни и моего быта, я понял, как надо играть

в эту игру здесь, на нашей земле. Надо искать выход на убийц. Их много, они среди нас и некоторые из них особенно и не скрывают род своих занятий. Лет десять назад я знал как минимум двоих, уже отсидевших свое убийц — нормальных, общительных и даже готовых прийти на помощь. Правда, тогда они, убийцы, были другие — в них было больше романтики. Сейчас любые отношения строятся на деньгах и убийство стало для некоторых хорошо оплачиваемой профессией. Даже слово новое привнесли из английского — киллер. Это было похоже на продолжение американской традиции улучшения имиджа и названия неквалифицированных и непрестижных профессий. Помню, что уборщика улиц, или попросту — дворника — в Америке переименовали в инженера по санитарному состоянию городской среды. Но там причина для этого переименования была проста и понятна — придать дворникам больше самоуверенности и самоуважения. А у нас вышло по-другому. Просто получилось, что убийца высшей квалификации, работающий исключительно на заказах, получает звание киллера. Ну а тот, прошлый тип убийцы — бытовой, романтический — по пьянке и из ревности так и остается простым убийцей. Таких и ловят, и садят, в то время как киллер остается птицей неуловимой и невидимой.

Эти размышления сами вывели меня на вопрос, пытавшийся уже много раз достучаться из моего подсознания. Я ведь уже несколько лет искал выход из своей тупиковой жизненной ситуации. Но искал его больше в воображении, больше в своих фантазиях. А теперь выход напрашивался сам — выход не из ситуации, но из самой жизни. Для

самоубийцы я был слишком жизнелюбив, но для жертвы я был то что надо. Прекрасный пример несправедливости судьбы: умный мужчина в расцвете сил и способностей да и еще убитый по чьему-то заказу! Репутация жертвы заказного убийства зашекотала мне нервы. Я представил себе, как будут озадачены мои многочисленные знакомые, сразу решив, что они обо мне практически ничего не знали, ведь тот я, который был им знаком, с которым они пили вино и кофе, не мог и не должен был быть замешан в дела, за которыми следуют «разборки» или заказные убийства. Я представил себе, как всех их будет вычислять уголовный розыск, допрашивать, задавая десятки «крутых» вопросов. «У него были враги?», «Чем он занимался?», «Кто мог быть заинтересован в его смерти?» и так далее. Оставалось найти недорогого киллера, деньги на его гоно-рар, и уж тогда спланированное мною идеальное убийство станет очередной из неразрешимых загадок. Эффектный конец бестолковой жизни меня прельщал. А у загадочных убийств есть еще одна привлекательная черта — о них часто вспоминают и в газетах, и в книгах, вспоминают с подробностями и с именем жертвы — так что у меня будет реальный шанс остаться в памяти народной если не на века, то во всяком случае — надолго.

ГЛАВА 3

Осень запаздывала. Или у природы не хватало денег на красные и желтые краски, словно природа копировала печальное финансовое положение страны. Прав-

да, стало прохладнее и по вечерам немного дождило. Но яркой картины увядания природы не получалось. Люди же увядали на глазах, а сам я — на собственных глазах в зеркале. Друзья звонили, чтобы сообщить, как им плохо. Я в ответ молчал, вынашивая, но скрывая от всех свою драгоценную идею идеального выхода из жизненного тупика.

Жена стала позднее обычного возвращаться домой, иногда за полночь. Раздевалась она в темноте и ложилась на свой край дивана под свое одеяло. Каждый ее приход будил меня и раздражал. А даже если и не будил, то раздражал еще сильнее. От нее не было никакого тепла, и сама мысль о женщине, не приносящей тепла, меня злила, особенно, когда я думал конкретно о ней, о той женщине, что была рядом.

Вечером в среду я сам решил задержаться в центре. У меня было немного денег и имелось довольно конкретное решение — как с ними поступить. Проще говоря — хотелось выпить. Но не соло, а как минимум дуэтом. Идеальная святая цифра «3» еще больше порадовала бы меня, если б, конечно, все трое были близкими знакомыми. Случайных попутчиков к станции «Выпивка» я не любил. К семи я приехал на Контрактную площадь, где в одном из коммерческих магазинчиков замечал пару раз через стекло своего бывшего одноклассника Диму Самородина. Не встречались мы с ним со школьного времени, да и тогда, когда я наблюдал за ним через витрину магазинчика, — меня он не видел, обслуживая очередных покупателей. Поэтому казалось мне, что внезапная встреча для него будет радостной, тем более, что в школе мы ладили и ничто

так не объединяет людей, как общее прошлое, будь то школа или тюрьма.

Мои размышления подтвердились. Как только я зашел в магазинчик походкой задумчивого покупателя, он меня узнал и окликнул. Между делом обслуживая покупателей реальных, он задавал мне массу вопросов о наших бывших одноклассниках, интересуясь, кого и когда я видел последний раз и кто что делает. Порадовать его я особенно не мог. За все годы у меня произошло всего-то пять-шесть случайных «транспортных» встреч с друзьями детства, о чем я ему и рассказал.

— Ты подожди полчаса, — попросил он. — Шеф заедет за выручкой, и тогда я закроюсь и можем здесь посидеть...

Я с радостью кивнул. Но ждать в магазине не хотелось, и я вышел прогуляться по Подолу.

Яркие огни, неоновые линии и буквы глуповатых названий кафе и ресторанчиков разгоняли вечернюю темень. Выйдя из света встречно-направленных реклам и огней, я уселся на скамейке возле памятника первому украинскому буддисту Григорию Сковороде. На соседних скамейках, пользуясь неосвещенностью памятника, целовались счастливые силуэты. Я один ни с кем не целовался возле памятника и из-за этого почувствовал свою ущербность. Чем я плох? Я еще молод, симпатичен, не толст. Меня еще можно считать привлекательным. Конечно, дело во мне. Ни одна женщина не подойдет ко мне первая с вопросом «Разрешите вас поцеловать?» Что со мной? Ведь еще лет пять назад я любил сам ошарашивать женщин подобными вопросами. А теперь?